

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 20 (3831) Суббота, 15 февраля 1958 г. Цена 40 коп.

Дни большого подъема

ИХ СЕМЬДЕСЯТ человек. Все очень взволнованы. Сегодня они впервые выступают на сцене киевского театра. Бориспольский районный Дом культуры привез в столицу республику свою последнюю работу — постановку пьесы Ивана Микитенко «Диктатура».

Украина готовится к выборам в Верховный Совет СССР

Нынешние дни — дни особенного подъема, инициативы трудящихся, отличающейся бесконечным количеством форм — от эшелонов сверхлопановой руды, выданной кривоножскими горняками, до отличного обслуживания посетителей рабочей столовой в Днепродзержинске, от успешного выступления шахтерского оркестра в городе Ватулино до ценного рационализаторского предложения рабочих Харьковского завода-востроительного завода.

ют одну цель — улучшить нашу жизнь. И каждое касается моих товарищей и меня лично. Улучшено управление промышленностью и строительством — на нашем заводе порядка стало больше, легче работать. А в сельском хозяйстве? Зайдите в любую магазин — продуктов сколько хотите.

ты Верховного Совета СССР. Трудящиеся назвали своими кандидатами лучших людей, которых знают, которым верят. Рядом с председателем колхоза имени Буденного, Березовского района, Одесской области, Макаром Посмитным назван замечательный поэт Максим Рыльский; кандидатами в депутаты выдвинули академика Александр Палладин и шахтер Николай Мамай; высокой чести удостоены украинские писатели Павло Тычина, Александр Корнейчук и Петро Козланок.

В. КИСЕЛЕВ, К. ГРИГОРЬЕВ КИЕВ (Наши корресп.)

Как мы отвечаем на Обращение ЦК нашей партии ко всем избирателям? — Делом! — сказал сталеваз завода «Запорожсталь» Николай Степаненко.

И действительно, сталевазы 12-й печи Ивана Кайола, Николай Степаненко и Михаил Алейников выдали плавку за три часа до срока и сварили сверх плана 413 тонн стали. Бригада сталевазов горячо поддержала почин Николая Мамаи и обязалась выплавить ежемесячно сверх плана по две тонны стали на каждого члена бригады.

Металлурги «Запорожстали» и участники самодеятельности Бориспольского Дома культуры никогда не встречались. Они незнакомы друг с другом. Но их сближает, роднит общее патристическое воодушевление.

А вот Вера Андреева очень озабочена. Швей галантерейной фабрики, комсомолка, она пришла на производство после окончания десятилетки. Хорошей работнице, трудолюбивой и честной девушке оказали высокое доверие. Всей душой стремятся она оправдать его. Быть агитатором значит знать избирателей. Надо с ними познакомиться, с ними тщательно проверить, все ли внесены в списки. Вера Андреева испытывает искреннее волнение, какое свойственно очень молодым людям, выполняющим важную ответственную работу.

Западная часть города — так называемая Коловолина — район, заселенный новыми многоэтажными домами, огромный массив, воочию подтверждающий, как на деле разрешает партия и народ жилищную проблему. Здесь киевляне получают в общей сложности 125 тысяч квадратных метров жилой площади. А в противоположном конце города — на его восточной окраине, за Днепром, поднимается новый район, в котором старым остается только название — Дарниця.

В Союзе писателей СССР

В ЧЕРА под председательством Валдиса Луиса состоялось заседание президиума правления Союза писателей СССР, посвященное организационно-творческим мероприятиям в связи с подготовкой к Третьему съезду советских писателей.

После XX съезда КПСС в белорусской писательской организации возросла творческая активность, углубилась связь писателей с жизнью. Об этом свидетельствуют новые романы и повести И. Шамкина, В. Карпова, А. Чернышевца, Р. Соболенко, М. Поселовича, В. Шахова, М. Лынькова, Т. Хадкевича, новые пьесы К. Крапивы, К. Губаревича, А. Маякена, новые стихи и поэмы А. Кулешова, П. Панченко, М. Танка и произведения многих других писателей, делом отвечающих на призыв партии идти в ногу с жизнью, с народом.

Сорокалетие советской литературы и подготовка к III съезду писателей

Прения по докладу Н. С. Тихонова Со своим народом

При некоторых успехах литературоведения и критики сегодняшнего состояния литературной критики все же вызывает неудовлетворение. Интересных, проблемных статей по-прежнему появляется мало, недостаточно высок уровень работы наших рецензентов.

Жизнь, отданная рабочему классу

Андрэ ВЮРМСЕР, французский писатель

В КОМНАТЕ на диване покинута Марсель Кашен. Он словно отдыхает после долгой, благородной жизни. Войдя в эту комнату, мы не плакали. К пиджаку покойного была приколота его единственная награда — орден Ленина. Руки его отдыхали, — они уже никогда не будут писать статей, таких простых и ясных, не знающих ни стандартных формулировок, ни красивой фразы. Самый простой рабочий и самый знаменитый ученый воспринимали эти статьи как личное послание, как совет, адресованный каждому из них.

Кара Дустов и другие

В ЭТОТ ДЕНЬ Кара Дустов, как старейший раис в районе, должен был принимать у себя гостей, съехавшихся в Орджоникидзеабзд на праздничный ужин со всего Таджикистана и даже из соседних хлопкокосящих республик.

Он был строг сегодня, старый Кара, больше того, придирич. Понимать надо, — говорил он, — мы не просто хлопководы. — Мы передовой район в передовой республике. А у большого вербуля и седло должно быть большое — слышали такую поговорку? — Когда все приготовления были уже закончены, а до прибытия гостей оставалось больше двух часов, Дустов не вытерпел и пошелся туда, где в это время проходили кино-спортивные состязания — «бузкази».

Еще издали он увидел огромный многодетный, причудливый ковер, то и дело меняющий свои очертания, и пошел: это всадники, сотни всадников в ярких полостях халатах на разномастных скакунах. Видимо, был перерыв между азартными: всадники гарцевали, разминали лошадей, либо, сбившись в кучки, весело переговаривались друг с другом. Но их небрежная посадка и бесценный вид не обманули Дустова. Он-то хорошо знал: еще секунда, другая, сигнал распорядителя состязаний и...

Взаконное, тысячу раз пережитое волнение охватило Дустова. «А годы? А седина?» — мелькнула мысль, но он отогнал ее, прищипнул коня и, легко перепрыгнув через глиняный дувал, через канавку, очутился на поле. Единичка в игре — все равно что одиночка в боях или на работе: без поддержки товарищей не сумеет многого сделать. Поискав глазами, Дустов увидел джигитов из своего колхоза: они скакали тесным колом, неистово отбиваясь от наседавших на них «сужих» всадников.

В СТАРОМ восточном календаре, которым теперь уже никто не пользуется, кроме древних дедов, годы называются именами птиц, зверей и животных. Повествуя о каком-либо событии, старый таджик или узбек непременно скажет: это случилось в год бараса или в год мыши, в год лошади или обезьяны. Если считать по этому календарю, то прошлый сельскохозяйственный год был годом курицы. С горькой иронией колхозники назвали его годом «мокрой курицы».

Высокое звание обязывает

Трудно передать, трудно сформулировать огромное, светлое, открытое чувство, которое мы все ощущаем после встречи руководителей партии и правительства с огромным отрядом интеллигенции. — взволнованно начал свою речь С. Смирнов. — Эта встреча заставила задуматься, заставила повинчателиться перед людьми — мастерами своего дела, заставила как-то особенно остро почувствовать, что все, собравшиеся в Георгиевском зале, — руководители партии и правительства, ученые, писатели, художники, композиторы, артисты, медики, — все мы представляем единое целое, единое государство — советская народная интеллигенция. Быть хотя бы рядовым народным интеллигентом — почетная, но не легкая задача.

Кара Дустов и другие

Е. ЛОПАТНА, собственный корреспондент «Литературной газеты»

подумал Дустов и кинулся к нему на помощь, рассыпая удары плетью по крупным лошадям вправо и влево. Так, когда-то давно, рассыпав удары кинжала молодой Кара, командир добровольческого дехканского отряда по борьбе с басмачеством. Сколько верст по горам и ущельям проехал отряд Кара, изгоняя врагов с родной земли, оставив Советскую власть! Перед Дустовым вдруг пронеслись картины давних боев, лица павших товарищей, налитые злобой глаза басмаческих предводителей, захваченных в плен. Но он отогнал и эти видения — зачем омрачать праздник? — и помчался вперед, радуясь, что, так же как прежде, молодечество и ловко сидят в седле, что рука еще сохранила силу и точность удара.

Были применены все новейшие агрохимические приемы. Каждый цикл отработки проводился в предельно сжатые сроки, каждая операция выполнялась с наивысшим качеством. Даже самые нехитрые, почувствовал, что урожай находится под угрозой, подтянулись, активно стали участвовать в общественном труде. Был у них колхозник Шоев Грз — никак не хотел работать: то он простужен, то у него солончатый удар, то кости ломят, то желудок не в порядке. Его и на бригадном собрании обсуждали, и в стенгазете «продегуляли», — ничто не помогало. Вскоре после трагедии Дустов проверил ночной полив. На одном участке особенно поразилось: вода текла точно по бороздкам, ровной струей, везде, где нужно, были выкопаны миниатюрные отстойники, сложенные крошечные перемычки из листьев и комьев земли.

Высокое звание обязывает

Трудно передать, трудно сформулировать огромное, светлое, открытое чувство, которое мы все ощущаем после встречи руководителей партии и правительства с огромным отрядом интеллигенции. — взволнованно начал свою речь С. Смирнов. — Эта встреча заставила задуматься, заставила повинчателиться перед людьми — мастерами своего дела, заставила как-то особенно остро почувствовать, что все, собравшиеся в Георгиевском зале, — руководители партии и правительства, ученые, писатели, художники, композиторы, артисты, медики, — все мы представляем единое целое, единое государство — советская народная интеллигенция. Быть хотя бы рядовым народным интеллигентом — почетная, но не легкая задача.

Замечательная, открывающая дорогу вперед встреча! Она как-то очень убедительно подтолкнула каждого из участников необходимости приложить все силы к тому, чтобы еще больше сплотиться всем нам, решительно перешагнуть через всякого рода личные распри, личные обиды и, вступив рука об руку, вместе с товарищами по ремеслу браться за работу. Говоря о той справедливой критике, которой писательская общественность подвергла отдельных литераторов, С. Смирнов подчеркнул, что надо помочь тем из них, для кого ошибка была явлением случайным, вернуться в строй. Надо и им перешагнуть через увлечение самолюбия и взыскать на свои плечи подхлупицу ношу общественных дел. Это очень и очень важно и излечивает все душевные расстройства.

Я убежден, что у Александра Ишана, например, будут и уже есть новые произведения, в которых нуждаются наши журналы и газеты, наши читатели, и пора ему опять работать во всю силу. Есть хорошая поговорка: «то старое помянет, тому глаз вон! Но как быть, если помянется не старое, а продолжающееся? Как быть, если это «старое» некоторые из наших литераторов хранят как некую святаяню и отгораживаются гробовым молчанием в ответ на требования всей писательской общественности дать оценку своим недавним позициям. Я имею в виду тов. Рудного и кое-кого из упоминавшихся с ним в одном ряду. Пора коммунисту Рудному нарушить обет отшельничества, ибо своим отшельничеством он варварствует популярность только у враждебных нам кругов. Если на третьем пленуме в речи Л. Соболева звучала тревога за отшельничавшихся товарищей, то сейчас это отшельничество уже вызывает не тревогу, а возмущение, ибо это поза не разоружившихся. Литераторы столичных городов мало

Прения продолжались и в перерыве... На переднем плане слева направо: М. Ибрагимов, М. Ауэзов, О. Гончар, Т. Жароков, Г. Мурзепов.

В. Дружин, С. Кирсанов, В. Кожанов, В. Лукс, Г. Мурзепов, Ю. Смолич, А. Софронов, А. Чаковский. В связи с избранием Л. Соболева председателем Оргкомитета Союза писателей РСФСР пленум постановил избрать председателем правления издательства «Советский писатель». Председателем правления издательства утверждается Н. Ласочевский. Пленум решил установить должность организатора правления Союза писателей и утвердил на эту должность К. Воронцова. Был рассмотрен также вопрос об изменениях в составе правления Литературного фонда СССР.

В конце вечернего заседания участники пленума единогласно приняли заявление В. Соболю Центральному Комитету КПСС, в котором выражается глубокая благодарность писателей за отеческую заботу об успешном развитии советской литературы. На этом IV пленум правления Союза писателей СССР закончил свою работу.

Сорокалетие советской литературы

(Продолжение. Начало на 1-й стр.)

Больше чем на 50 языках

метном качественном росте нашей литературы. Нет никакого сомнения, что вся наша литература поднимается в своем развитии на новую, высшую ступень. Это новое — в более глубоком проникновении в народную жизнь, в значительном более вдумчивом и многогранном изображении человека, — прежде всего главного героя нашей литературы, — человека революционной борьбы и коммунистического сознания, человека, рядового и вместе с тем необыкновенного по своей духовной высоте; в повышении чуткости писателей к душевной, эмоциональной стороне жизни своего героя; в преодолении схематизма, уморительности; в повышении тона творческих исканий.

Полнокровной щедростью в изображении крупных народных характеров радует нас новый роман М. Стелыха «Кровь людская — не водица». Примечательны психологическое богатство романа, вдумчивость и правдивость в изображении судеб людей. Это большой успех и самого Стелыха, и всей украинской прозы. Вполне правомерно, что в юбилейном 1957 году появилось несколько романов о революции и гражданской войне. В своем большинстве это интересные и значительные произведения, не повторяющие уже написанных и добавляющие много нового к нашей художественной прозе. Таковы книги О. Гончара «Перекон», роман Ю. Смолича «Мир хижинам, война дворцам» и другие произведения. Интересны новые работы Ю. Диденко, П. Орещенко, В. Собоко и других наших писателей.

В то же время нужно сказать, что пока не очень радуют читателей и своих друзей по перу наши драматургия и поэзия, творческая активность и общий уровень которых могли бы быть значительно выше. В поэзии можно отметить такие успехи, как книга М. Рыльского, ряд стихов Д. Павличко, А. Малышко. И в драматургии, и в поэзии появилась осязаемая мелкота, какой-то отзвук неверных теорий «самовыражения».

Повышая чувство своей ответственности, помня о том, что партия и народ ждут от нас большого искусства больших мыслей и чувств, советские писатели, объединенные и сплоченные на основе известного партийного документа «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», без сомнения, и в дальнейшем добьются новых творческих успехов.

та, устанавливаются контакты с республиканскими институтами по изучению национальных литератур. Вся эта работа надо объединить и вести в более тесном сотрудничестве. Я глубоко убежден, что потребуются перестройка, чтобы многонациональное лицо нашей литературы обозначилось еще больше. Тогда и критиков будет больше, и писать будут больше об этих литературах. А сейчас можно по пальцам пересчитать тех, кто может ставить проблемы социалистического реализма, привлекать не только русский материал. Это, конечно, нельзя считать нормальным.

Для детей всего мира

— Рожденная Октябрем и Советской властью, советская детская литература и детский театр играют огромную роль в воспитании детей, — подчеркнул С. Михалков. — Десятки и сотни героев, отдавших свою молодую жизнь за Родину, перешедших бессмертными именами которых мы склоняем сегодня наши головы, воспитаны этой литературой и этим театром.

Коммунистическая партия и Советское правительство создали все условия для роста и развития нашей детской литературы и нашего детского театра.

В 1913 году в России было издано всего 7 млн. экземпляров книг для детей. В 1956 году в СССР было издано 172 млн. экземпляров книг для детей. В 1957 году только одно издательство — Детгиз — выпустило 603 названия книг тиражом в 108 500 тысяч. Детские книги выходили на 58 языках народов СССР, в том числе на языках 20 народов, получивших письменность после Октябрьской революции. Какая еще страна в мире могла бы привести такие данные?

Наша прославленная литература для детей переводится на 30 языков зарубежных народов.

Чтобы наглядно еще и еще раз подчеркнуть великое значение литературы для детей, хочется привести следующие данные. Маршак издал 750 книг общим тиражом 42 млн. экземпляров. Переведены они на 71 язык мира. У Агнии Барто на счету 488 изданий — 36 млн. экземпляров на 58 языках. У Льва Кассиля 329 изданий — 17 млн. экземпляров на 59 языках. У Гайдара 573 издания — 21 млн. экземпляров на 61 языке. У Чуковского 514 книг — 38 млн. экземпляров на 53 языках.

И все же с детской литературой не очень у нас благополучно. Кадров детских писателей пополняются слабо. Вот уже 20 лет склоняются чаще всего оги и те же имена детских писателей, а новых, молодых и — главное — ярких, талантливых авторов все еще мало.

В чем же тут дело? Я полагаю, что отцы и деды, сидящие у руля Союза писателей СССР и республиканских союзов, все еще недостаточно серьезно относятся к той ответственности, которую налагает на них подрастающее поколение. Они все еще мало делают для того, чтобы все дети в общем масштабе Советского

Хочется добрым словом вспомнить предложение об организации в Москве театра народов СССР. Вы знаете, что эта инициатива сыграла свою роль, сейчас такой театр будет создан.

Нужно упорядочить собрание архивов советских писателей, создавать новые архивы советской литературы. В Москве в этом отношении парит большая неразбериха. Архив Маяковского сосредоточен в 14 местах, архив Есенина — в 7 местах и т. д. В свое время, может быть, все это и было оправдано, но сейчас Академии наук надо централизовать такие архивы.

Дети стали писать меньше писем о прочитанном. Нам нужно над этим задуматься. Может быть, дело в том, что мы за эти годы не создали таких книг, как «Молодая гвардия» и «Повесть о настоящем человеке». Новые воспитатели говорят о том, что радио и телевидение отвлекают ребят от чтения книг. Это, вероятно, действительно так. Но очевидно, в связи с этим возникают новые проблемы в детской литературе. Очевидно, нужно создавать еще более яркие и увлекательные книги.

И тут мне хочется сказать несколько слов о приключенческой литературе. Эту литературу издают и Детгиз, и Военное издательство. Нельзя сказать, чтобы она была высокохудожественной. Очень часто эти книги написаны схематически. Однако, по данным библиотек, огромная масса школьников увлекается именно этой литературой. Запомнены проглатываются книги о шпионах и диверсантах, ребята следят только за острым и быстро развивающимся сюжетом, не задумываясь над характером и психологией героев по той простой причине, что ни характеры, ни психологии там нет. Эти книги отбивают у ребят вкус к серьезной литературе — современной и классической. Об этом с горечью говорят наши библиотекари.

Мы не против приключенческой литературы, воспитывающей у детей мужество и находчивость, но мы должны всеячески бороться за качество этой литературы, ставя преграды «детскому чтиву», которое начинает заполнять книжные полки.

Нам нужен журнал «Детская литература», где оценивались бы все произведения детской литературы, детского театра, не дожидаясь, пока «Новый мир», «Знамя», «Театр», «Октябрь» или какое-либо другое уважаемое издание выразит желание опубликовать рецензию на книгу для детей.

Вопрос о детской литературе не может быть в первом плане. Он должен и в Союзе писателей Российской Федерации занять место наравне с вопросами прозы, поэзии и критики.

В завершение мне хотелось бы выразить удивление по поводу того, что в докладе о советской литературе ни слова не сказано о юморе, которым так богат наш советский народ. У нас есть немало достижений в области сатиры и юмора. Почему же мы как бы стыдятся этого? приближая их к себе. Мы знаем, как Владимир Ильич Ленин отверг сектантские теории Пролеткульта, грозившие оттолкнуть от Советской власти многих талантливых к ней писателей. Благодаря этому сочетанию принципиальности и бережливости партия сумела привлечь на свою сторону таких писателей, как Алексей Толстой, Блок, Брюсов, Пришвин, Вересаев и многие другие. Партия вовремя ликвидировала ненужное деление писателей на пролетарских и непролетарских, объединила всех нас, открыла возможности разнообразного творчества и действительной свободы творческих индивидуальностей в интересах народа. Благодаря этой политике даже в среде русских писателей-эмигрантов в нашу сторону начали отщепляться такие писатели, как Куприн.

Принципиальность партии не раз помогала нам найти верный выход из творческого кризиса, а они бывают, эти творческие тупики, паузы утомления. Во многих партийных решениях и в повседневных советах партия ограждала нас от чуждых влияний и всегда показывала: вот жизнь, вот люди, вот их поступки — к ним ближе, там темы, там образы, там идеи.

Эту же ленинскую линию — бережливости и принципиальности — мы, советские писатели, видели в последних партийных документах о литературе и в той товарищеской критике и советах, которые оказывали нашей литературе большую и своевременную помощь. Я слышал слова тов. Н. С. Хрущева в Кремле, обращенные к писателям, — это были слова доверия и ожидания от нас, а главное, слова веры в наши возможности, в наши силы, в настоящее и в будущее каждого писателя в отдельности.

И хочется сказать, что нам, советским писателям, и мне в их числе, ни с каким ревизионизмом не по дороге. Нам по дороге с партией Ленина, с ее идеями и делами, нам по дороге с советскими труженниками, которые хотят построить коммунизм и построить его.

Нельзя допустить того, чтобы между нами пленумом и съездами была тихая «академическая» жизнь по изучению опыта прошлых лет. Нужно развертывать дискуссии, споры и по отдельным произведениям, и по всему творчеству того или иного писателя. К сожалению, «Литературная газета» как-то превращала эту нашу традицию и вместо разных оценок дает только свое. Надо дать место разным оценкам.

Это относится и к проблемам — они не все решены до конца. Меня, например, очень занимает проблема новаторства. Я и сейчас еще не убежден в том, что достаточно новой темой, чтобы вещь была новаторской. Я все же думаю, что всякое истинно-новое явление в искусстве обертывается в свое новое художественное воплощение, что форма не стоит на месте, что и в ней выражается энергия нового общества. Надо об этом говорить. А мы говорим о новаторстве уже почти всегда с приставкой «уже» — и там, где это надо, и где не нужно.

Равные оценки, разные предположения в пределах нашей единой принципиальности, в русле одного нашего советского направления необходимы, иначе мы станем нетребовательными.

Я, старый советский писатель, не хочу быть старым ни в образе мыслей, ни в своей деятельности. Мне хочется, чтобы наша литературная жизнь была кипучей, протекала в спорах, во взаимной критике, в пристальном внимании ко всему новому и молодому. Хочется, чтобы наши съезды прошли как большие разговоры о живых образах поэзии, прозы и драмы, хочется чтобы этих съездов имел право сказать: какая у нас содержательная и интересная жизнь в литературе, каким интересным и содержательным был литературный год!

Критику — на линию боя!

На трибуне — Н. Грибачев: — Если говорить о наших сегодняшних задачах, то — с этим согласием подавляющее большинство писателей — они в наиболее исчерпавшей и четкой форме изложены в выступлениях Н. С. Хрущева. Это — связь писателей с партией и народом, без которой искусство либо мертво, либо вырождается в самоцель и становится неспособным к выполнению своей исторической миссии; это — связь с жизнью, с той почвой, которая только и может питать подлинно вдохновенное творчество. Лишь заплевающие митрофанушки от модернизма и субъективизма могут еще полагать, что идеи, потрясающие умы, и образы, которые переживают века, можно высосать из пальца или придуать между двумя перекурами. Против этого теоретического шаманства и словоблудия встают тени великих — от Вильяма Шекспира до Льва Толстого, встают реальная, а не фаршированная экзотическим мусором история общества, и над теми, кто пытается помянуть изучение жизни писательскими домыслами и ковариями старомодных интеллигентских наростов, начинают смеяться даже дети — король гол!

Мы, литераторы, можем с удовлетворением и благодарностью отметить, что Н. С. Хрущев, выступая как партийный и государственный деятель и рассматривая проблемы литературы применительно ко времени и стране, исходил в то же время из великих и бесспорных традиций русской литературы — традиций революционности, демократизма, народности, связи с действительностью, традиций, которые формировали духовное могущество нашей литературы от Пушкина и Некрасова, Белкина и Чернышевского до Маяковского и Горького, до наших дней.

У нас, — и на это нечего закрывать глаза, — были тенденции к тому, чтобы отделиться от этих традиций и пойти на выучку к западным модернистам, формалистам, субъективистам. Попытки поправить прочность наших идеологических и исторических позиций с помощью литературоведческих экскурсов и эзоповских инсинуаций можно встретить и сейчас, хотя можно и заметить, что они натываются на все больший отпор не только в среде литераторов, но и всей нашей интеллигенции.

После выступления Н. С. Хрущева заметно оживилась литературная жизнь в республиках и областях, и это выразилось в более глубоком осознании главного направления литературного процесса, в непосредственном творчестве, в критике тех, кто с умыслом или без умысла свернул на кривые дорожки. Тот же процесс, хотя помедленнее и с солидными издержками, происходит в среде московских писателей. Естественно было ожидать, что в нашей литературной прессе появятся фундаментальные статьи наших критиков, развивающие эти положительные программы, и статьи, направленные как в адрес западного ревизионизма, непрерывно я в самых вульгарных формах атакующего нашу литературу, так и в адрес доморощенных попыток свести эстетику социалистического реализма к безоглядному критицизму, что вполне устраивало апологетов буржуазного искусства, но ревизовало основные марксистско-ленинские положения. Это было неотложный долг советских критиков перед литературой, перед читателями, перед самими собой, но долг этот выплачивался слабо и заметными оказались лишь две статьи — К. Зелинского и Б. Сокольева, опубликованные в «Литературной газете».

Можно, конечно, учесть при этом, что многие критики были заняты академической дискуссией о реализме в журнале «Вопросы литературы», но от этого в общем не легче советской литературе. Ведь общеизвестно, что критика мощно влияет на умы современников только тогда, когда она активно взаимодействует с современной литературой.

Активизация критики крайне важна сейчас и для решения другой задачи — воспитания молодежи.

Н. С. Тихонов говорил в докладе, что некоторые чуждые течения в нашей литературе умерли, представители других, осознав время свое, вошли в общий поток социалистической литературы. Это верно. Но именно поэтому в интересах истины и ясности пора, строго руководствуясь фактами, показать, что в мощном потоке нашей литературы были скрытые и явные противоречия, омуты и тинистые заливочки, скрытая и открытая идейная борьба при общей победе горьковского, партийно-народного направления. Надо убедительно, доказательно показать, кто продолжал жить и после смерти и кто по существу, пустошеству своему оказывался на погосте и при жизни. Тогда на многих нынешних эстетических программах, завуалированно излагаемых в некоторых статьях и более открыто в разговорах, наглядно проступят почерки поющих в бозе пророков и апостолов декаданса. Это поможет молодежи в ориентировке, это сорвет маскировку с ревизионистов, покажет, что у них нет ничего нового.

Мы готовы в спорах утверждать истину

— Последний раз мы собирались на наш пленум в сложное для международно-коммунистического движения время, — отметил А. Чановский. — Ожесточенная классовая борьба, разгоревшаяся с особенной силой в связи с попытками международной реакции использовать против прогрессивных сил мира сначала ре-

визионистов, покажет, что у их так называемого новаторства и критической повелевающей от времени, полустеленная борода. Мало предавать ревизионизму анафеме, — он даже на этом зарабатывает венки покаянного мученичества, — надо вскрыть его идейную и интеллектуальную несостоятельность, надо оружием эстетки загнать его в болото, из которого он вылез.

Такая работа — дело, конечно, нелегкое. Ее одоление под силу только коллективному разуму наших критиков и литературоведов, но она важнее, нужнее, неотложнее, чем спор о реализме в гигантских пределах от Эсхила до Золы. И главное — это подлинный заказ времени.

И еще есть одно, на мой взгляд, непозволительное явление в нашей жизни, которое сбивает с толку молодежь и обидно для нашей литературы. Если мы сами совершаем образцы подобострастия по отношению к любому, даже посредственному зарубежному писателю, то как нам требовать от молодежи уважения к нашему литературному прошлому и настоящему, к писателям старшего поколения? Ведь они глядят и думают: если уж мол, наши старички поскрипывают суставами в колене, — значит, пришла настоящая литература, не чета нашей доморощенной! А на самом деле ни одна литература мира не выдвинула за последнее столетие столько общепризнанных талантов, ни одна не держала на такой смелый поиск нового и не поднималась до такого высокого понимания гуманизма и человечности, как наша литература. Я не говорю уже о нашем искусстве с его общепризнанным мировым первенством, о нашей ведущей роли в науке и образовании. Так не пора ли нам подумать о более достойных формах гостеприимства и доброжелательства? Это не повредит нашим связям, а, наоборот, сделает их более серьезными и доверительными.

Мне вообще кажется странным, что мы ни на пленумах, ни на президиумах ни разу не обсудили характер наших зарубежных связей, характер наших дискуссий. Главной опасностью для нашей литературы является ревизионизм, выступающий во многих формах — от ослепления всего сделанного нами, от попыток плясать субъективистский рок-н-ролл на спинах мертвых и живых до хитрых, с помощью теоретических кислот, посягательств на фундамент нашей литературы — ее марксистско-ленинскую эстетку.

Но почему же мы не даем самым ослепленным ревизионистам даже в тех случаях, когда их позиция не стоит ломаного гроша? Почему с год тому назад мы заняли позицию оправдания перед Явом Боттом, когда он сам своей теоретической беспомощностью и заносчивым словесством напирался на хорошие теоретические розги? Ведь не с ялами коттамы солидаризировались крупнейшие писатели недавнего прошлого — такие, как Ромен Роллан, Анри Барбюс, Бернард Шоу, Робинзон Тагор, Лу Синь; ведь не на их, а на нашей стороне симпатии Шона О'Кейси и Катарины Причард, Френка Харди и девяностовухлетней писательницы Мэри Гилмор; не с ними, а с нами многие и самые лучшие писатели Азии и Африки. С другой стороны, почему не ведем мы дружеских дискуссий с писателями колеблющимися, не лишаем их открытых писем, не принимаем участия в обсуждении злободневных проблем иностранных литераторов? Молчаливое дружелюбие и капитала уважения не навивешь! А интерес к нашей литературе в среде серьезных иностранных писателей уважителен и огромен.

Чтобы понять, до какой неповоротливости в этом вопросе можно дойти, достаточно ознакомиться с журналом «Советская литература» на иностранных языках. И не слышал я, чтобы были проекты по исправлению положения. Например, лучше произведения следует печатать на иностранных языках отдельно, а журнал, сделав его потоньше и поубоюнее, превратить в оперативный орган, чтобы дублировать в нем лучшие отрывки из новых произведений с рассказом об авторе, дискуссионные статьи на зарубежные темы, обращения и открытые письма к иностранным писателям, краткие мнения советских писателей по тем или иным вопросам, информацию о многонациональном творчестве советских писателей, о жизни республиканских союзов писателей.

Не настаиваю, что можно сделать только так, но надо по всем линиям возрождать традиции литературной, а не бюджетной активности советских писателей в международной литературной жизни.

Выступления товарища Хрущева, заботы партии создали все условия для нового подъема нашей литературной жизни и нашей литературы. Поэтому давайте активнее создавать великое многонациональное знание советской литературы, поощряя все живое и хорошее, отбрасывая ненужное, ставя на место меньшее и обрабатывая за новым доброкачественным материалом к природничеству и кормиле всякого искусства — к жизни!

(Продолжение на 3-й стр.)

Яснее показать многонациональное лицо нашей литературы

— Приятно сознавать, что у нас работает человек, который входит в жизнь литературы всех народов, много переводит и этим сплачивает нас, — говорит Н. Зелинский о Николае Тихонове. — Именно поэтому ему удалось дать в докладе верную картину нашей многонациональной литературной жизни.

И мне хочется остановиться на некоторых положениях, которые были выдвинуты докладчиком. Советская литература выросла в гигантскую общественную силу, волнующую умы десятков и сотен миллионов людей. В библиотеках всего мира есть полки книг русских советских авторов. Жаль только, что в зарубежных библиотеках мало произведений писателей других народов СССР. Много кажется, что теперь, в связи с образова-

пока что описательный подход. Мы собираем материал, но мало его систематизируем. Мы осмысливали

советскую литературу в ее основном философском аспекте, но не всегда правильно отвечали на вопрос: что такое социалистический реализм? Мы стремились включить все, что написано советскими писателями, в понятие социалистического реализма, и это, я думаю, было ошибкой. Я думаю, что социалистический реализм развивался исторически, это сложный процесс, который можно проследить, изучив только конкретно, и именно поэтому анализ истории советской многонациональной литературы очень важен.

Надо сказать, что XX съезд партии имел огромное значение для нашей жизни, для нашей культуры, для нашей литературной науки. XX съезд партии вернул нам имена таких писателей, как Сейфуллин в казахской литературе, Чарчин в

В. Закруткин (слева) — именнойник: в «Правде» печатается его рассказ «Подсолнух». Главный редактор журнала «Москва» Е. Поповкин, конечно, рад за товарища и все же досадует: что же нам в журнал не дал?

нием Оргкомитета СП РСФСР. Союз писателей СССР должен перестроить свою работу в том смысле, чтобы многонациональное лицо нашей литературы было бы более ясно представлено и советскому, и зарубежному читателю.

В этом смысле нуждается в перестройке работа журнала «Советская литература» на иностранных языках, который должен больше печатать произведений писателей из братских республик. Советские рекомендации надо дать и нашей Иностранной комиссии. Мы кое-что сделали для познания наших национальных литераторов. Я бы сказал, что по так мало сделали, — мы можем вручить человеку, когда он едет в республику, очерк советской литературы данной республики. Институт мировой литературы совместно с институтами республик подготовил 9 таких исторических очерков, на подходе еще, вероятно, такое же количество. Это уже «кое-что», при всех недостатках, присущих этим очеркам.

Н. Тихонов выдвинул в докладе предложение о создании при Союзе писателей СССР кабинетов по отдельным литературам народов СССР. Над этим надо подумать. Но мне кажется, что прежде всего надо ликвидировать разрыв между Институтом мировой литературы имени Горького и Союзом писателей.

армянской литературе. Лайцен в латышской литературе и т. д. Теперь литературоведческая наука имеет возможность обратиться ко всему нашему наследию.

Но это налагает на нас и определенные обязательства. Необходимо давать строго научный анализ творчества того или иного писателя, не «ухудшая» его и не «улучшая». Между тем у нас сейчас намечается ложная тенденция подменить отличный признак социалистического реализма — изображение жизни исторически, с позиций социализма — общедемократическими идеалами и понятиями. Даже создается концепция некоего «гуманного реализма» от Стендаля до наших дней, где все оказывается «хорошим». Я думаю, что такая концепция ничего, кроме вреда, для нас не принесет, потому что она смазывает как раз самую суть того, что героическая борьба рабочего класса внесла в нашу литературу.

Каждый, кто прошел этот большой путь, знает и понимает, что с первых дней после Октября партии Ленина, партия с твердой идейной принципиальностью в вопросах литературы и культуры, проявляла к писателям, к людям искусства исключительную бережливость,

И подготовка к III съезду писателей

(Продолжение. Начало на 1-2-й стр.)

Бесславных поражений наших идейных противников и серьезные успехи сторонников мира и прогресса.

Мыльные пузыри ревизионизма лопаются, лопаются потому, что воля народов к миру, к дружбе с советским народом, к народам всего социалистического лагеря является непреходящим законом.

Далее А. Чаковский приводит многочисленные факты, свидетельствующие о поражениях международного ревизионизма.

Однако было бы наивным политическим снобизмом утверждать, что борьба с ревизионизмом окончена. Факты свидетельствуют также о том, что ревизионисты не сдают своих позиций без боя. Более того, в ряде случаев они пытаются перейти в наступление.

Одни из них — Говард Фаст. В роли предателя, окваченного болезнью и поставившего неумолимой страстью «какую-нибудь подлость сделать», поднимается ныне автор «Дороги свободы» и «Никсвилля». Он выступает с позорной клеветой на коммунизм в воинствующем органе американской империалистической реакции — газете «Нью-Йорк таймс». Более того, он, пользуясь терминологией Довганюка, выдвигает и объявляет перед микрофонами разных «Голосов Европы» и «Освобождений», крича, что наконец-то стал свободен... Свободен от чего? От стыда? От совести?..

Мы живем в сложное и противоречивое время. Сила идейного влияния нашей страны и ее литературы на образ мышления других народов мира поистине огромна. Ценная та или иные явления зарубежной литературы, определяющие свое отношение к тому или иному писателю, мы должны проявлять максимум внимания и понимания. Однако никакой такт, никакое понимание, никакая бережливость в самом хорошем и широком значении этого слова не должны застав-

лять нас забывать о единственном комплексе, определяющем направление наших действий. Я имею в виду марксистско-ленинскую идеологию.

И пусть не обвиняют нас в догматизме и политической нетерпимости. Мы никогда не отказываемся от споров, от дискуссий. Недавнее участие большой группы советских поэтов в римской дискуссии, в которой принимали участие итальянские литераторы, придерживающиеся других точек зрения на литературу, — одно из многих доказательств нашей широты и готовности в спорах утверждать истину. Мы в нашем журнале «Иностранная литература» публикуем эту дискуссию целиком.

Люди из недружественного нам лагеря не дающие своим народам возможности регулярно знакомиться с современной советской литературой, осмеливаются обвинять нас, печатающих Хемингуэя, Мориака, Вольфулла, Грина, Стейнбека, Лану, печатающих новый роман Моравиа в то время, когда это произведение крупнейшего итальянского писателя еще только рекламируется на Западе в заметках и объявлениях, эти люди кричат о «железном занавесе». Мы, которые устами крупнейшего нашего писателя Михаила Шолохова на весь мир заявили о готовности быть за творческий круглый стол со всеми, кто искренне заинтересован в мире и прогрессе человечества, с презрением отвергаем провокационные обвинения в догматизме, которые несет на своем потрепанном флаге не раз битый в исторических схватках буржуазный ревизионизм. Мы отвергаем любую начитанную догматизму, всеем и будем вести с ним борьбу. Но разговоры о догматизме не заслонят от нас главную опасность — опасность ревизионизма.

История нашей партии учит нас непримиримости в этой борьбе, и мы будем вести ее во имя дела социализма, во имя расцвета социалистической культуры.

Приходится, к сожалению, констатировать, что наши критика и литературоведение — особенно литературоведение — не справились еще с важнейшей из стоящих перед нами задач: с теоретическим обобщением метода социалистического реализма.

К сожалению, наши литературоведы очень мало обращаются к опыту современной литературы. И мы благодарны тем литературоведам и критикам (хорошо бы слова эти писать через дефис), которые отдают свое перо и талант делу создания боевой истории и теории советской литературы.

М. Гусейн останавливается на книге К. Зелинского «Литературы народов СССР».

— На мой взгляд, — говорит оратор, — очень верно подходит К. Зелинский к вопросу о горьковских традициях в национальных литературах, подчеркивая примат действительности над чисто литературными влияниями. А ведь были у нас такие критики, которые выдвигали на первый план именно формально-литературное влияние и считали его решающим. Извращая, передергивая факты истории литературы, подобные литературоведы, по существу, призывают нашу писательскую молодежь к повторению уже сказанного.

Приходится, однако, с сожалением отметить, что в книге Зелинского, как и в книгах других русских литературоведов, есть существенные пробелы, обусловленные их ограниченным представлением о самом предмете исследования. Они говорят преимущественно о тех произведениях, которые переведены на русский язык. Но ведь многое из того, что появляется в национальных литературах, остается вне поля зрения наших русских друзей, и на полетели в нас отравленные стрелы критики — критики с позиций враждебности, с позиций злобы, бессильной ярости. Как тут не вспомнить старую азербайджанскую поговорку: «Собака лает лишь на тех, от кого грозит ей опасность». Отравленные стрелы, нацеленные в наших писателей, призваны одновременно поразить и другую цель: самую нашу социалистическую действительность, солнечное здание, возведенное подвижническим трудом миллионов советских людей.

Приблизить теорию к практике

В. Друзин остановился в своем выступлении на состоянии нашей критики и литературной теории.

Я не буду повторять общеизвестного положения о том, что критика наша отстаёт, находится не на том уровне, на котором должна находиться. Против этого общего положения спорить нельзя. Но мне кажется, что надо дифференцированно подходить к работе критиков. Есть у нас критики, которые работают много и плодотворно, выпускают книги. Есть такие критики, которых вовсе нельзя упрекать в отставании. Можно назвать имена таких критиков, как В. Зелинский, В. Брайнина, В. Соловьев, Е. Книпович, В. Перцов, И. Григорьев, В. Смирнова и ряд других.

Справедливо сказал Н. Грибачев о критиках, работающих пассивно, мало. Это относится и к критикам Москвы, и к критикам Ленинграда, города с развитыми литературными традициями, гордящегося своими академическими кадрами. Они, разумеется, не делают того, что они могли бы делать.

В качестве примера плохой, небрежной работы наших литературоведов можно назвать сборник «Русская советская литература. 1954—1955 гг.», выпущенный Институтом мировой литературы имени М. Горького.

Сборник этот, солидного размера, составленный трудами различных авторов, свидетельствует о неправильных представлениях ряда наших теоретиков о процессах в живой советской литературе, он свидетельствует об отрыве некоторых литературоведов от жизни. Поражает этот сборник, несмотря на высокую марку Академии наук, каким-то непрофессиональным, лоботельским подходом

к оценке тех или иных произведений. О поэзии здесь больше всего пишет критик В. Огнев, о котором уже сегодня много говорили: некоторые его высказывания, приведенные С. Смирновым, были напечатаны в этом академическом сборнике. О поэзии в сборнике пишет также Н. Венгров, который в ряде случаев тоже выдвигал неверные идеи. Проза же оценивается в статьях М. Кузнецова, Т. Трифоной, Г. Бровмана и некоторых других и оценивается также в ряде случаев глубоко неверно. Методика рассмотрения художественных произведений здесь очень проста: если речь идет о В. Пановой, В. Слудском или о В. Некрасове, то заранее, без анализа, просто с первых же строк идет безудержное восхищение. Если же речь идет, скажем, о романе В. Кочетова «Молодость с нами», то так же без анализа говорится о снижении мастерства, о рационализме и пр. А творчество В. Кожвинкина авторам сборника примерно года полтора тому назад внушало «серьезную тревогу»! Перспективы развития советской прозы и поэзии, с точки зрения авторов сборника, получаются такие: в области прозы возглавляют движение вперед В. Некрасов и В. Панова, а в области поэзии — В. Слудский и Л. Мартынов. Таковы итоги «научных» обобщений! И это — труд целого сектора современной советской литературы академического института!

Я думаю, что мы должны всерьез бить тревогу, — гораздо серьезнее, чем недавно были тревогу по поводу неправильных ориентиров, взятых в журнале «Вопросы литературы», где опять-таки в самом руководстве журнала и в составе авторов и соавторов мы видим часть тех же самых товарищей, которые работают в сек-

торе советской литературы этого академического института. Очень неблагоприятное положение создается здесь. И ничего сейчас не может, по-моему, удовлетворить такого рода освещение нашего живого современного литературного процесса.

Между тем задача современной критики очень сложна и ответственна, и поле ее деятельности чрезвычайно велико. Мы иногда сами неверно ориентируем наших читателей: без конца мусолим одно и то же, без конца привлекаем внимание только к одному и тому же, не замечаем, что вокруг есть еще многое другое. Почему, например, именно вокруг В. Слудского была поднята всяческая шумиха? Почему мы годами и десятилетиями не замечаем других поэтов, работающих в Москве, и в Ленинграде, и в Ростове-на-Дону, и в Сибири, и в Поволжье? К ним не привлекается внимание, а снова и снова возникает разговор о том: не объекто ли подходить к Слудскому, и т. д. Это, по-моему, искусственность, которая создана первоначальной постановкой вопроса не кем иным, как И. Эренбургом.

Как известно, И. Эренбург неоднократно за последние годы выдвигал свою концепцию развития советской литературы. Эта концепция сводится к тому, что современная советская поэзия лучше всего может быть представлена достижениями Б. Слудского и Л. Мартынова, а проза — произведениями В. Пановой, В. Некрасова и Э. Казакевича. Читатель обращается к статьям И. Эренбурга, находит там эти утверждения, берет книгу под маркой Академии наук, где опять находит эти же утверждения. Спрашивается: а где же подлинный анализ многочисленных произведений нашей современной советской прозы и поэзии? Его все еще нет. А авторитет популярного писателя и академической книги сбивает многих с толку.

Остановлюсь еще на одном примере. Есть в Латвии замечательный писатель А. Улит. Мы все его знаем, недавно было отражено его восьмидесятилетие. Это признанный мастер советской литературы. И он не только творец художественных произведений, он — теоретик, и пишет много статей и рецензий, а также больших исследований, книги крити-

Знание жизни плюс мастерство

— Враги свободы и социализма злонамеренно обходят молчанием успехи советской многонациональной литературы, не упускают малейшей возможности для того, чтобы атаковать ее идейные и эстетические принципы, — сказал М. Ибрагимов. — Им очень хочется, чтобы наша литература сбилась с верного пути коммунистической идейности. Но этому никогда не бывать!

Я, как писатель, еще раз чувствую великую гордость за свою профессию, читая речь товарища Хрущева на приеме представителей советской интеллигенции в Кремле. Очень хорошо сказано в этом выступлении о значении писательского труда в обществе, о его высокой роли и о наших почетных обязанностях в воспитании народа.

Азербайджанские писатели дюжонно работали и работают над созданием новых произведений о жизни советского народа, о нашей современности. Только за последние 2—3 года написано и опубликовано несколько романов, повей и повестей о колхозном крестьянстве, о рабочем классе и интеллигенции республик, о дружбе народов, об Отечественной войне, о социалистической револю-

Радоваться у нас есть чему

— Недавно, — говорит С. Бабаевский, — в «Литературной газете» печатались отзывы писателей на вопросы, среди которых был такой: что является в вашей жизни самым памятным и интересным? Многие товарищи высказывались по этому поводу. Это было интересно, так как можно было проследить, что интересовало товарищей в их прошлой жизни.

Если отвечать на вопрос этой анкеты и говорить о 1957 году, для меня лично и, очевидно, для всех нас самым памятным днем был день 13 мая, когда писатели были приглашены в ЦК партии для беседы. С этого дня мы начали говорить по-новому и жить по-новому. До

теперь советской литературы этого академического института. Очень неблагоприятное положение создается здесь. И ничего сейчас не может, по-моему, удовлетворить такого рода освещение нашего живого современного литературного процесса.

Между тем задача современной критики очень сложна и ответственна, и поле ее деятельности чрезвычайно велико. Мы иногда сами неверно ориентируем наших читателей: без конца мусолим одно и то же, без конца привлекаем внимание только к одному и тому же, не замечаем, что вокруг есть еще многое другое. Почему, например, именно вокруг В. Слудского была поднята всяческая шумиха? Почему мы годами и десятилетиями не замечаем других поэтов, работающих в Москве, и в Ленинграде, и в Ростове-на-Дону, и в Сибири, и в Поволжье? К ним не привлекается внимание, а снова и снова возникает разговор о том: не объекто ли подходить к Слудскому, и т. д. Это, по-моему, искусственность, которая создана первоначальной постановкой вопроса не кем иным, как И. Эренбургом.

Как известно, И. Эренбург неоднократно за последние годы выдвигал свою концепцию развития советской литературы. Эта концепция сводится к тому, что современная советская поэзия лучше всего может быть представлена достижениями Б. Слудского и Л. Мартынова, а проза — произведениями В. Пановой, В. Некрасова и Э. Казакевича. Читатель обращается к статьям И. Эренбурга, находит там эти утверждения, берет книгу под маркой Академии наук, где опять находит эти же утверждения. Спрашивается: а где же подлинный анализ многочисленных произведений нашей современной советской прозы и поэзии? Его все еще нет. А авторитет популярного писателя и академической книги сбивает многих с толку.

Остановлюсь еще на одном примере. Есть в Латвии замечательный писатель А. Улит. Мы все его знаем, недавно было отражено его восьмидесятилетие. Это признанный мастер советской литературы. И он не только творец художественных произведений, он — теоретик, и пишет много статей и рецензий, а также больших исследований, книги крити-

ци. М. Ибрагимов называет новые произведения М. Гусейна, А. Веллева, И. Шихлы, И. Гусейнова, М. Рагима и др.

— Художник, не знавший жизни, оторванный от действительности, похож на растение, лишенное солнечных лучей. Он быстро становится худосочным и погибает. Но одним знанием жизни дело художника не ограничивается. Немало у нас таких романов и повестей, в которых нарушаются законы жанра, нет единого сюжета, отсутствует композиционная стройность. Не случайно такие романы не читаются, а перебиваются. Нужно признаться, что мы иногда не обращаем достоящего внимания на вопросы художественной формы, художественного совершенства наших произведений. Вопросы мастерства, выбора стиля, бедности образов часто заслоняются разговорами об актуальных темах, о важности содержания. Мы подчас забываем, что большая идея требует совершенной формы, что часто плохим исполнением искажается самая благородная тема.

Нужно, чтобы в Москве больше читали литературные произведения, чтобы секретари Союза писателей могли этим процессом руководить и своими советами помогать писателям национальных республик. Настоятельно необходимо создание большого труда, который обобщил бы опыт советской литературы.

него мы жили нехорошо. Сказать, что мы очень критиковали друг друга, было бы неправильно, так как настоящая критика не была развернута, а было то, что мешало нам работать и давало слабую пищу нашим зарубежным врагам. Под видом критики мы stalkивали абам писателей, а это я добру не приво-лит, — это мешало литературному делу, то есть тому, что мы должны делать в первую очередь.

И, как и каждый, в душе я благодарю ЦК партии за то, что он помог нам обрести такую ясность и силу, по-новому взглянуть на наши очередные и будущие задачи.

Несколько слов о критике. Конечно, среди работников критического пера есть много людей честных и хорошо работающих, но есть и такая-то часть, которая к своей работе относится не совсем порядочно и честно. Они пишут часто не только без любви, но и без знания того предмета, о котором судят.

А что такое критика в моем представлении? Вот я — писатель; критик — это, мне кажется, мой помощник, который помогает мне расти, потому что сам я сегодня один, а завтра хочу быть другим. Вот такой помощи мы часто не получаем. — вместо нее идет нехороший разгон, и писатель не только не растет, а теряет под собой почву. Я это говорю потому, что я на себе испытал, что значит вот такая необоснованная критика.

Среди верных замечаний С. Бабаевского в адрес литературной критики, к сожалению, прозвучал и призыв к некоему всепрощению. — Хорошо, что мы, писатели, — продолжает оратор, — прямо и открыто, никого не боясь, заговорили о наших многих успехах. Радоваться у нас действительно

есть чему. У нас много и замечательных людей, и замечательных дел.

Что меня порадовало из последних книг? Прежде всего меня поразила Михаил Стальман своей замечательной, на мой взгляд, книгой.

Порадовали меня романы Галины Николаевой и Олеса Гончара, интересные стихи Степана Олейника; порадовал Николай Воронов своими рассказами; порадовали Анатолий Калинин, который только сейчас сдал в набор интересный роман, Анатолия Болтуева и многие другие. А у нас до того договаривались, что будто бы и литературы нет, и книг хороших нет, и все идет на нет. На самом деле это не так.

И последнее — о старых и молодых. Конечно, нас, старых писателей, в литературе много, но надо сказать, что уже сейчас работа с молодыми писателями значительно улучшилась, и это улучшение идет и буду говорить по Российской Федерации — за счет того, что у нас создан Оргкомитет. Он всю свою работу строит на приближении к местным литературным организациям, и поэтому эти организации по многим краям и областях стали работать сейчас лучше, значительно оживилась их творческая деятельность.

Сожалось на Ставропольский край, где я живу и работаю. Я знаю, что значит принять достойных молодых писателей в союз. Как это помогает им жить и работать. Мы недавно приняли пять человек таких молодых писателей, и вы бы посмотрели, как это повлияло на их жизнь и вообще на жизнь литературной организации края.

Что нам предстоит сделать? От вечеров и докладов о молодых перейти непосредственно к их книгам и рукописям. Это самое главное.

Не уступим ни пяди!

А. Софронов напомнил участникам пленума о закончившейся недавно Конференции солидарности стран Азии и Африки, об исключительном сердечном отношении делегатов Азии и Африки к Советскому Союзу, Китайской Народной Республике, ко всем делегатам стран социализма. — Наши сердца наполнились гордостью, — сказал он, — когда делегаты из этих стран с любовью говорили о Советском Союзе, искали встреч с нами, а имя руководителя нашей делегации Шарафа Рашидова стало одним из самых популярных во время Каирской конференции.

Там, в Каире, как, впрочем, и во многих других местах земного шара, каждому из нас приходилось видеть плоды великой созидательной работы нашего народа, ощущать притягательную силу ленинских идей и огромную тягу народов к Советскому Союзу.

Это все вопросы не стороне для нашей литературы, это — существо и горячая кровь нашей жизни, реальные результаты труда нашего народа, достигнутые в такой сравнительно короткий исторический срок — всего за сороклетие. И вместе с тем это широкие перспективы для достижения новых побед социализма, его окончательной победы над империализмом.

Советские писатели всегда были вместе с Коммунистической партией и народом, активно участвовали в его великих делах. Только некоторые одиночки-литераторы, противопоставлявшие себя обществу, сочиняли свою индивидуалистическую, вырванную из почвы стертальную искусство, ограниченную модернистско-мещанским мирком программой, стоя в стороне от могучей созидательной деятельности нашего народа. И может быть, одним из самых крупных завоеваний нашей литературы являются ее интернационализм, дружба и взаимопомощь всех наших советских писателей. Для нас, русских писателей, большая радость — успех романов Михаила Стелымаха, Олеса Гончара, Петруса Бровяна, новых поэм Турсуев-заде, стихов Андрея Малышко, Максима Танка, Ираклия Абашидзе, Расула Гамзатова, Мустая Карима, Сильвы Ганутияна, Кара Сейтлыева и многих других поэтов. Мы радуемся успеху наших братьев так же, как они радуются появлению «Судьбы человека» Михаила Шолохова, новых стихов и рассказов Александра Твардовского, «Золотой кареты» Леонида Леонова, «Заре навстречу» Валима Коженикова, «Витвы в пути» Галины Николаевой и других интересных произведений русской литературы. Это все — наше, завоеванное, выстраданное, смениторованное годами труда и борьбы, нашей большой дружбой и тем, от чего уже нас никакими силами не оторвать, ибо в том — суть, смысл и красота нашей жизни.

Наша литература, несомненно, сейчас находится накануне нового подъема. После выступлений товарища Хрущева о связи литературы и искусства с жизнью народа, после третьего пленума управления Союза писателей СССР, где писатели Украины, Белоруссии, Таджикистана и других наших республик вместе с русскими писателями сурово критиковали ошибки некоторых литераторов, обстановка в Московском отделе-нии хотя и медленно, но улучшается. Хо-

Председатель Оргкомитета Союза писателей РСФСР А. С. Соловьев на пути на трибуну пленума успевает переключиться парой необходимых слов со своим заместителем по комитету Г. Маркович (на снимке — справа). Речь с трибуны пойдет о больших и ответственных задачах писателей Российской Федерации. Фото А. Лапина

В повзгодных номерах «Литературной газеты», как правило, писатели рассказывают о том, как они работали в минувшем году и что наметают делать в будущем. Мне кажется, хорошо было бы в конце, третьим пунктом, поставить: кому из молодых помог тот или иной известный писатель за этот год, сколько их вывел в люди? Это было бы хорошей информацией о работе писателей с молодыми.

Внимание партии и народа к нам огромно. Давайте будем отвечать на это внимание и заботу о нас не словами, а главным образом нашими новыми интересными книгами.

хотелось бы пожелать руководителям вновь избранного управления московской организации продолжить плодотворную работу по действительному объединению литераторов на принципиальной, идейной основе, по рассыланию всех в всяческих группировок, по собиранию в единое целое всех боееспособных московских писателей, ибо если вспомнить недавнее прошлое, то можно сказать, что странами как раз людей, вступивших на путь идейных штаний, шла довольно интенсивная работа по отсечению от организации некоторых писателей, непоколебимо стоявших на партийных позициях.

Жаль, что в последнее время мы не используем одну, не раз уже отлично себя зарекомендовавшую форму совместной работы. До сих пор еще многие повторяют рассказы о том, как Н. Тихонов, П. Павленко, В. Луговской и другие писатели ездили в азиатские республики. Некоторые из них, как, например, Владимир Луговской, обрели буквально всю жизнь высокую благодарную тему. Почему бы нам сейчас не отправиться на Дальний Восток, на Ангару, на Енисей, в Казахстан? Знаем ли мы, как следует, Белоруссию, Молдавию, Таджикистан, Туркмению, другие республики края нашей Родины? Можно безошибочно сказать, что такие поездки принесут бы только самые плодотворные результаты.

Журнал «Октябрь» смело выдвигает молодые имена. Недавно он познакомил читателей еще с одним хорошим молодым поэтом — Н. Агеевым. Мне кажется, что все наши журналы должны устраивать игодовые годовые конференции со своими читателями, и одним из главных положительных показателей их работы должно быть сообщение о том, сколько молодых писателей начало свой путь в литературе благодаря отеческой помощи писателей, возглавляющих данный журнал. Не может быть хорошим литературный год для одного журнала, если на его страницах не родился хотя бы один новый талантливый молодой писатель.

На приеме в Кремле Н. С. Хрущев говорил: «Нашим противникам не нравятся оптимистический, жизнеутверждающий характер советского искусства. Они хотели бы, чтобы наши писатели, художники, композиторы и другие творческие работники скептически мрачно смотрели на жизнь. Но мы не уступим нашим идейным противникам ни пяди!» Да, товарищи, мы не уступим нашим идейным противникам ни пяди! Но мы — солдаты на боевом идеологическом фронте, и у нас в руках одно из самых острых орудий — печатное слово.

— Думается, что если третий пленум, сыгравший большую роль в жизни литературной организации, был пленумом суровым, беспощадным в разоблачении ошибок, отражающих ревизионистские тенденции произведений, — заключает А. Софронов, — то этот наш четвертый пленум станет пленумом действительно принципиальной консолидации всех наших литераторов, пленумом великого братства нашей многонациональной литературы.

Сорокалетие советской литературы и подготовка к III съезду писателей

(Продолжение. Начало на 1-2-3-й стр.)

В едином строю

— Важная связь между братскими литературами, взаимное творческое обогащение стали основными чертами многонациональной советской литературы, — говорит С. Вишневецкий. — В духе взаимной дружбы, взаимного обогащения развивается и молодая марийская литература, появившаяся в дни первой русской революции и получившая широкий простор для своего развития только после Великого Октября. Начиная с первого марийского писателя, основоположника марийской литературы С. Чавайна, и вплоть до молодых авторов, вступивших в литературу за последние годы, — вся марийская литература испытала всхожденное влияние великой русской литературы. Своими учителями называют марийские писатели лучших русских писателей. В творческой учебе у русской литературы мужало и крепло творчество марийских писателей, крепка их идейная и художественная сила.

Но было бы однобоко проблему влияний сводить только к учебе у русской литературы. За годы Советской власти совершено новое явление, не имеющее ничего подобного в странах капитализма. Учеба у писателей братских народов, перевод их произведений получили у нас самое широкое распространение. С другой стороны, лучшие произведения марийских поэтов и прозаиков переведены на русский, украинский, татарский, эстонский, чувашский, удмуртский языки.

В настоящее время готовятся для издания в Москве в переводе на русский язык сборники марийской прозы и антология марийской поэзии. В связи с 70-летием со дня рождения и 50-летием со дня выхода в свет первого печатного произведения С. Чавайна, исполняющимся в этом году, нам намечено издать его избранные произведения на русском языке. Подготовлены для издания на русском языке также сборники поэтов Г. Матюковского, М. Казакова, М. Большакова и драматурга С. Николаева.

В последние годы партии и правительство провели ряд важнейших мероприятий, направленных на улучшение издательского дела. Созданы в стране новые издательства, но в то же время управление издательств и полиграфии Министерства культуры РСФСР и его отдельные местные издательства, например, наше Марийское книжное издательство, ведут ничем не оправданную политику ограничения в деле издания художественной литературы. «Литературная газета» уже выступала со статьями «Книжные реки», где говорилось, что Марийское издательство неправильно планирует издание учебников.

Из-за неправильного планирования Марийскому издательству в этом году приходится издавать очень много учебников, а художественной литературы у нас издается в 1958 году всего только около 120 печатных листов. Издание учебников и другой литературы за счет бумаги, предназначенной для художественной литературы, ничем не оправдано.

Наши местные партийные и советские органы очень мало обращают внимания на работу творческих организаций. Работники отдела пропаганды и агитации Марийского обкома партии мирятся с игнорированием творческих интересов писателей, несмотря на то, что об этих фактах хорошо известно обкому по письмам читателей и писателей.

Эти и другие недостатки, конечно, серьезно мешают творческой деятельности наших писателей. Но мы уверены в том, что Оргкомитет Союза писателей РСФСР и Союз писателей СССР окажут нам практическую помощь, а марийские писатели прилагают все свои усилия к тому, чтобы создать произведения, достойные нашего народа.

Внимание молодым

— Н. Тихонов в своем докладе говорит, что Союз писателей «старее», что в нем мало молодых литераторов. Можно ли тут что-нибудь сделать? Оказывается, да, только это требует очень кропотливой работы, — начинает свое выступление В. Луис.

Для Союза писателей Латвии было ясно, что он сможет выполнить все те задачи, которые стоят перед писателями, только в том случае, если удастся хорошо поработать с молодыми авторами, если появятся у нас новые талантливые кадры.

В первую очередь, мы постарались, чтобы наши консультанты были действительно квалифицированными, знающими людьми, чтобы они любили свою работу. При районных газетах были организова-

ны литературные объединения, куда тоже приезжали консультанты и бригады писателей. Тут, главным образом, обсуждали работы молодых. Кроме того, каждый год мы созываем семинар молодых авторов. И каждый год на нем выявляются новые таланты. На шесть дней приезжают в Ригу человек 60—80. Им читаются лекции на общественно-политические темы и по вопросам мастерства. Старшие писатели рассказывают, как они пишут. После семинара мы собираем лучшие работы и печатаем их в альманахе «Слово молодым», который издается каждый год.

Каковы результаты работы с молодыми писателями? До 1954—1955 гг. в Союз писателей у нас принималось ежегодно приблизительно 3—5 человек, а после действительно кропотливой работы уже в 1956 году мы сумели принять 14 моло-

Прошлое — на службу современности

— Несомненно, что прежде всего и больше всего писатели должны писать о современности, — сказал Д. Благий. — Но внимание к современности не должно сопровождаться пренебрежением к прошлому, забвением прошлого, а здесь у нас бывает подчас тревожные симптомы.

Как работники Академии педагогических наук, я знаю о жизни средней школы. Сейчас, в связи с политтехнизацией, подготавливаются новые учебные программы средней школы, которые надо «разгрузить». Но эта «разгрузка» падает больше всего на литературу и на наше прошлое. По новой программе русская литература должна изучаться только с XIX века. Исключают «Обломова» Гончарова, исключают вовсе Герцена. Это — тревожное явление. Мне хотелось сказать об этом с писательской трибуны.

Со стороны Союза писателей наблюдается недооценка того отряда литераторов, который занимается по преимуществу изучением нашего прошлого и который, я настаиваю, имеет все права считаться живым участником литературного движения. Ведь не случайно революционисты нападают не только на советскую литературу, но и на советское литературоведение. Получилась своего рода цепная реакция. Начали с нападок на социалистический реализм, потом по-

дых авторов, в 1957 году приняли 11. Может быть, приняли так, чтобы только похвастаться? Нет. Можно назвать прозаиков и поэтов, которых уже знают читатели.

Молодые прозаики особенно выявили себя в коротких рассказах на современные темы. Поэты с большой эмоциональностью передают мысли и чаяния наших людей, и нередко — в очень хорошей форме. Правда, иной раз в стихах наших молодых слишком много любви, и из-за нее зачастую забываются другие стороны нашей жизни. Появляется какая-то лирическая монотонность. Но наши товарищи стараются расширить тематику.

Надо серьезно работать с молодыми авторами; тогда пропадут «сезонные всплески» у нашего Союза писателей и он действительно помолодеет.

Много хорошего сказал Н. Тихонов о разных родах литературы, но он не назвал ни одного критика, ни одного литературоведа. Неужели это нечто серое и безликое, что даже за 40 лет никого невозможно назвать? Мне кажется, что это неверно. К сожалению, такое невнимание к литературоведению и к историкам литературы не случайно, — оно свидетельствует о разрыве между так называемой академической наукой и писательской общественностью.

Я считаю, что в наше время слова «академическая наука» не должны употребляться в том смысле, в каком мы произносили их в прежние времена, когда представителями академической науки действительно были люди, которые уходили от современной ли действительности в «чистую» науку. В настоящее время слово «академическая» должно употребляться только в смысле образованности, высокого качества.

Мы все — советские люди, и слова Маяковского об отношении беспартийного советского человека к партии являются и нашими словами. Мы все — в мучительном потоке, который ведет к коммунизму. И комсомол этого движения должен служить мысли великого Ленина о том, что для того, чтобы построить коммунизм, надо нам, как законным наследникам, овладеть всем опытом мировой культуры.

(Окончание отчета — в следующем номере.)

Преступление французских колонизаторов

В феврале французская авиация совершила зверварский налет на мирное тунисское селение Сакмет-Сиди-Юсеф. Тяжелые бомбы были обрушены на хижины, школы, машины Красного Креста. Колонизаторы не пощадил никого: ни стариков, ни женщин, ни детей. Волна гнева и возмущения прокатилась по Франции, она захлестнула весь мир.

Генерал Селам, ответственный за эту позорную акцию, заявил, что ни одна школа не была объектом бомбардировки. Вот оно, страшное обвинение против французского генерала: перед нами симок, запечатлевший преступление колонизаторов. Нельзя без содрогания смотреть на детские трупы, изуродованные до неузнаваемости. Эти дети были застигнуты французскими бомбами в здании школы!

Налет французской авиации на Сакмет-Сиди-Юсеф — не случайность — не следствие «миниматива» какого-либо французского офицера. Тунисская общественность убеждена, что это часть тщательно продуманного плана. Французская газета «Юманите» напоминает, что за несколько дней до бомбардировки селения министр по делам

Алжира Лакост произнес зловещие слова: «Пограничная битва началась...» Мы видим итог этой «битвы»: руины домов Сакмет-Сиди-Юсефа, убитых детей, слезы матерей...

Снимок из французской газеты «Юманите».

Жизнь, отданная рабочему классу

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Хозяин усадил меня в гостиную под ослепительной картиной, написанной его старым другом Синьяком. Вчера в его комнате я снова увидел эту картину рядом с небольшим рисунком Пикассо и портретом, который написал с Марселя Кашена Вайян Курторье. Я не забыл урока, который он дал мне двадцать пять лет тому назад. И еще я помню, как в те же годы встретился с ним во дворе одной из школ, где в ходе предвыборной кампании Народного фронта происходило собрание трудящихся. Выступал оратор, говоривший цветисто и выспренне, то и дело перешагивавший свою речь эффектными метафорами. Марсель Кашен сидел на ступеньках эстрады и пристально глядел на меня. Смеялись одни его глаза...

Я вижу его сидящим за своим рабочим столом в редакции «Юманите». Это было на следующий день после празднования его 80-летия. Я не смог участвовать в этом торжестве, и на завтра решил потренировать его на несколько минут. Я сказал ему тогда, что счастлив поздравить его с его 80-ю годами и еще одним днем. Он задержал меня и беседовал со мной несколько часов. Ах, если бы все могли видеть его, как он, подергивая усы, повораживаясь к карте мира, предсказывая неизбежный крах прогнившего строя, который разлагается на наших глазах!

Он любил подтрунивать над своим возрастом. «И я, как бы стар я ни был, все же увижу социализм во Франции», — неизменно повторял он. Еще в прошлом году во время встречи на книжном базаре, на котором продавался марксистская литература, он говорил мне: «Поверь мне, в ближайшие годы мы с тобой станем свидетелями великих свершений». В то время ему было 88 лет.

Поэтому миллионы французсов, когда их неожиданно настигла печальная весть, подумали одно и то же: «Он не увидит победы». Да, каждый из нас загнанный раб, ожидал этой высшей награды для него — награды, которая могла бы стать венцом уверенности в нашей победе, он знал, что она не за горами. Именно поэтому наши сердца горестно сжались, и все мы подумали: «Как жаль, что он не увидел победы».

Между тем он был активным членом Французской рабочей партии Жюль Гела в момент, когда социалистическое движение во Франции состояло из бесчисленного множества мелких групп. Участники этих групп одни называли утопистами, другие — бандитами. Однако в момент смерти Марселя Кашена его партия является первой политической партией Франции.

Он видел, как возросло солнце Октября. После этой победоносной победы он встретился с Лениным. На протяжении сорока лет он наблюдал, как росло и крепло первое социалистическое государство. Возвратившись из первого путешествия в край социализма, он исколесил всю Францию: на этих собраниях зародилась Коммунистическая партия Франции. Когда Марсель Кашен выступал в Париже, зал был настолько переполнен, что ему лишь с трудом удалось пробраться к трибуне. В первом ряду сидели старые рабочие, однако они все же были моложе, чем еще вчера был Марсель Кашен. Эти ветераны сражались под красным знаменем Коммуны. «Скажи нам, ты видел их?» — кричали они. И Кашен с серьезностью отвечал им: «Да, я видел их». Их, победителей, мстителей за Коммуну. Вас, дорогие товарищи.

Он с волнением встретил весть о победе в Сталинграде. Он видел, как его народ встал в руки оружия и отомстил за гибель Габриэля Пери. Это он — Габриэль Пери — в ночь накануне казни писал: «Марсель Кашен был хорошим учителем. Наверно, поэтому я чувствую в себе достаточно сил, чтобы смел встретиться со смертью».

Он видел, как Китай и страны Восточной Европы разбили свои оковы. Он видел, как нарастала революция, которой он посвятил всю свою жизнь. Он не успел увидеть всю победу, однако срок последних лет, увиденных им, сыграл большую роль в истории человечества, чем иные столетия.

В 1957 году, по случаю награждения товарища Марселя Кашена орденом Ленина, я снова вернулся к работе над дорогом мне образом.

Бюст товарища Марселя Кашена выполняется сейчас в Москве на Всесоюзной юбилейной художественной выставке.

Г. ЛАВРОВ, скульптор

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИН, Б. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБЧИКОВ, В. СОЛОУХИН, В. ФРОЛОВ.

Кара Дустов и другие

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

бригаде. Сайфитдина Асоева ухитрились провести шестнадцать тракторных культуриваний вместо пяти-шести, разбазарили понапрасну около тысячи тракторной. Оказавшись, бригадир всеми правдами и неправдами ткнул к себе тракторы, думая «выехать» за счет машин, валяю о других приемах агротехники. А трактористы — те право признались, что в их интересах «накрутить» как можно больше гектаров в переводе на мяжку пахоту...

Дустов тогда вспыхнул, наговорил и своему бригадиру, и трактористам много сердитых слов. А вернувшись домой и успокоившись, подумал: — Не в них одно дело. Плохо, что у техника два хозяина — и колхоз, и МТС. Вот была бы она толще в наших руках, — и мы бы ее острее, рачительней использовали, и трактористы куда больше были бы заинтересованы в урожае, в полноценном труде...

Но недобросовестных людей можно было перечесать по пальцам. Большинство же колхозников и механизаторов трудилось честно, самоотверженно, и урожай был выращен — богатый урожай! — не только в колхозе имени XIX партсъезда, но и во всех других артелях района.

Правда, он был поздним, этот урожай. В 1956 году колхозы приступили к сбору в конце августа — начале сентября, в год «мокрой курицы» первые тонны хлопка были сданы на вагонные пункты значительно позже.

СКОЛЬКО планов строилось в расчете на хорошую осень, сколько было надежд — и бескорыстных, и честолюбивых! Колхозники думали о высоких доходах для себя и о чести района, рвались, помимо всего прочего, — о месте своих колхозов в районной сводке, о своем престиже. Карим Исмаилов, удостоенный в прошлом году звания дважды Героя Социалистического Труда, мечтал о том, чтобы сохранить первенство по урожайности хлопка. Раджаб Исмаилов, получивший в минувшем году орден Ленина и Золотую Звезду, втайне надеялся обогнать старшего брата. Джалмат Гаиров, чей колхоз в предыдущем году позже всех выполнил план и собрал урожай намного ниже своих возможностей, рассчитывал нынче потеснить в сводке передовиков. Он, Дустов, в этом году отмечал 25-летие своего непрерывного пребывания на посту председателя колхоза и, конечно, как никогда, хотел, чтобы год закончился с отличными показателями.

Многого хотели люди, но случилось то, чего не ждали, чего не ждал никто! Вскоре после Октябрьских праздников пошел ветер, пошел дождь, и вечером он превратился в снежную кашу, а наутро все поля, дома, сады были укутаны белым покровом.

Поначалу это только огорчило, не испугало: полезит снег день, другой и растает, как обычно, и установится солнечная погода вплоть до декабря, а то и января. — Под-

нажем, приналяжем, наверстаем упущенное, — говорили хлопкоробы. Но дни проходили за днями, а погода становилась все хуже и хуже. Нежданно-негаданно прежде, закружились дикие, сырые метели...

Как досадовали люди, как горевали! Ведь в 1956 году к этому времени районный план уже был выполнен, шла сдача хлопка в счет социалистических обязательств, каждая тонна давала тысячи рублей премий-надбавок... А нынче на полях лежало почти две трети урожая: метлы, надежды, труд, миллионные доходы — все было погребено под толстым слоем снега. От всего этого, право же, можно было прийти в отчаяние. Но в отчаяние-то как раз и нельзя было приходить!

По призыву Президиума Верховного Совета, Центрального Комитета Коммунистической партии и Совета Министров Таджикистана во всех колхозах были созданы ударные бригады. Это были добровольные бригады из коммунистов, комсомольцев, беспартийных энтузиастов, самых здоровых и крепких мужчин... «Наши добротракторы», — с гордостью говорил о них Охил Салим-заде, в прошлом помощник командира отряда по борьбе с басмачеством, а теперь заместитель председателя колхоза.

Они, действительно, чем-то напоминали прежних боевых товарищей Дустова: жили как бы на военном положении, спали в клубе, в конторе, в школе, вставали по звонку, обедали прямо на поле, из полевой кухни. Похожие друг на друга в своих «формах» — ватных стеганках и шапка-ушанках, они, словно солдаты в наступлении, бросались в заснеженные поля, поднимали засыпанные кусты хлопчатника, отдирали замороженные корочки.

Кара Дустов и Хами Мухамедиев — колхозный парторг — возглавляли ударные бригады. Как-то днем, сойдясь по делам, они остановились среди поля. Дуд пронизывающий ветер. Зябко пошевельнувшись и прервав разговор, председатель и парторг одновременно посмотрели в сторону сборщиков, склонившихся над кустами. И вдруг встретились взгляды — оба неяркие, с ввалившимися щеками, с покрасневшими от бессонных ночей веками.

— Ладко людям, — выдохнул Дустов. — Очени! — в тон ему ответил Мухамедиев. И, немного помолчав, добавил: — Но ведь другого выхода нет. — Должен быть! — горячо возразил Дустов. — Должен! Пусть ученые и агрономы дадут нам скороспелые сорта хлопка! Пусть механизаторы придумают машины, которые убрал бы хлопок быстрее, без потерь, до наступления дождей и морозов!

Едва лишь немножко потеплело, на спасение урожая вышли женщины. Первые, несмотря на непогоду, вывели в поле свою жену и пятерых детей-подростков Бобоек Ишанкулов, бывший разведчик в отряде Кара Дустова, а нынче один из лучших бригадиров колхоза. А там потянулись и другие, пришли на помощь соотрудники районных организаций, приехали студенты из города.

Школьники — мальчишки и девчонки — работали нарwane со взрослыми, работали весело, с азартом и даже сочинили смешную песенку. Дустов не запом-

нил ее всю, лишь несколько строк запало в голову:

Мокрая курица
Понапрасну хмурится,
Нам погода ничем.
Урожай мы соберем!

Дустов тепло улыбнулся своим воспоминаниям, но тут же серьезно затеребил усы. Ему припомнилось, как несколько дней назад, перед праздником урожая, он ездил в столицу республики и там встретился с группой таджикских писателей и поэтов. Разговор был дружеский, за накрытым столом, и Дустов позволил себе उपрекнуть собеседников:

— Мало вы пишете о нас, хлопкоробах. Чаще воспевайте богатырей, которые жили сотни лет назад, а может быть, вовсе и не жили и не были такими уж богатырями. Не зря в последние говориться: тынь от Рустамы выше самого Рустамы... Настоящие-то богатыри — вот они, рядом с вами. Теперешний герой за один год больше пользы сделает, чем какой-нибудь средневековый пахлаван! за всю свою жизнь. Разве не так?

Кто-то из писателей не согласился, даже, кажется, немножко обиделся на него, и Дустову это было неприятно и больно.

— Да что это я сегодня все вспоминаю и вспоминаю? — спросил он себя. — Праздник ведь, радоваться надо, веселиться! Наш район — на первом месте в республике по урожайности хлопка. Наш колхоз — один из самых высокоурожайных в районе. Остальные...

Дустов поискал глазами своих друзей — Карима Исмаилова, его брата Раджаба, Джалмат Гаирова. Теперь в бешеной скачке вперед вырвался Джалмат со своими джигитами, как в районной сводке вырвался вперед колхоз Джалмат, раньше всех выполнивший государственный план.

— Остальные тоже молодцы, — закончил Дустов свою мысль. — Затем же вспоминать о плохом и трудном?

Но он лукавил, гитрий Кара! Уж он-то прекрасно знал: пока человек помнит, как досталась ему победа, он ценит ее и дорожит ею, и всегда готов ее отстаивать...

СЕЙЧАС Кара Дустов на пути в Москву, в Кремль, на Всесоюзное совещание передовиков хлопководства. В Москву он едет первый раз, несмотря на то, что несколько лет подряд был участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и даже получил заочно четыре медали — три бронзовые и одну большую золотую. Как-то все не решался оторваться от своих председательских забот, боялся оставить колхоз. Но на этот раз не ехать было нельзя: столько жизненно важных вопросов должно решиться на совещании, столько интересных деловых встреч предстоит! В первую очередь он, конечно, размышлет селекционеры и конструкторы...

В феврале на родине Дустова нежно голубеет небо, и деревья набухли почками, и по обочинам арыков свежо и молодо зеленеет трава, и вспаханная почва зябь земля жарко багетит в лучах яркого, совсем весеннего солнца. Поля ждут возвращения из Москвы хлопкоробов, где они решат многие неотложные дела развития советского хлопководства.

1 Пахлаван — богатырь.

Юбилей И. Бразнина

НА ПРИЛВАХ книжных магазинов появился новый роман Илья Бразнина «Голубые листки». Это — тридцатая книга писателя, созданная им за четыре десятилетия литературной деятельности. Читатели старшего поколения хорошо помнят первые произведения И. Бразнина — романы «Приском», «Жесткая ступень», «Мое поколение», «Друзья встречались», повести «Даша Светлова», «Главный конструктор» и другие, рассказы и очерки. В довоенное время вышло в свет более десяти книг писателя, сделавших его имя известным широкому кругу читателей. Великую Отечественную войну он провёл в армии в качестве военного корреспондента. В послевоенные годы вышли в свет писца «Иртыш», сборник спортивных рассказов «Алые майки», перевод сатирической поэмы И. Котляревского «Энеида». Сейчас Илья Янович работает над новой книгой. Она будет называться «Северная тетрадь» — это записки военного корреспондента о первых годах войны. За «Северной тетрадь» должна последовать продолжающая ее «Южная тетрадь». В эти дни общественность Ленинграда чувствует талантливое писателя в связи с его шестидесятилетним и сорокалетним литературной деятельности. В Доме писателя состоится творческий вечер, посвященный юбилею И. Бразнина.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.)

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератур народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.